

Прежде мне казалось, что прожитое время украшает мужчин не только сединой, но и знанием. Седой — значит, поживший, умный, опытный, знающий. Потом я убедился в том, что это юношеское заключение было заблуждением. Среди седовласых старцев идиотов никак не меньше, чем среди старцев курчавых, длинноволосых, брюнетов, шатенов, рыжих и отчаянно лысых. Дело в другом. Чем больше мы знаем, тем меньше, как ни странно, понимаем. Понимание приходит не от знания, а от чего-то другого, от того же, от чего рождается любовь, ненависть, вообще любая страсть.

Вот история, которая поможет вам понять (ха!..), о чем я тут толкую.

Была пятница, глухая ночь, когда в мою дверь позвонили. Я с трудом проснулся, вылез из-под одеяла, посмотрел на часы, выругался, натянул домашний халат, тапочки и потопал в прихожую.

— Кто там?

— Сто грамм, — ответили из-за двери. — Открывай, Пунцов. Старый друг на пороге.

Я распахнул дверь. Мне улыбался Сева Ромов, собственной персоной. Скала, ледокол, «Титаник», как называли его в институте. Метр восемьдесят восемь ростом, густые каштановые волосы, синие глаза в канте почти золотых ресниц, нос-хищник и рот-соблазнитель с пираньями тонких и жарких губ. Вообще у него был такой тип лица, что видевшие Севу впервые, как правило, говорили: «Это же известный актер. Вот только забыл, как его зовут».

Он был эпически храбр, мелок характером и фантастически ленив. Его любили все, не отдавая себе в этом отчета. Я часто задумывался: почему? И ничего, кроме глупого довода «судьба», придумать не мог.

Сева не стоял рядом с вами, а, что называется, высился. Парни умолкали при его появлении, а девицы падали в обморок, услышав его шаги.

— Что-нибудь случилось? — спросил я. — Ты знаешь, который час?

— Алка меня выгнала. Можно у тебя переночевать?

— Вы поссорились?

— Нет. Я у нее спрашиваю: «Тебе со мной интересно?» А она отвечает: «Мне спокойно». — «Как?» — «А вот так». — «Что ты хочешь этим сказать?» — «А что ты хочешь услышать?» Вот так слово за слово дошли до точки кипения. Представляешь? Она — в слезы, я — в дверь. Поймал такси, приехал к тебе.

— Значит, не она тебя выгнала, а ты сам ушел.

— Да? А мне показалось, что выгнала.

— Знаешь, почему?

— Ну?

— Потому что ты сам хотел, чтобы Фокина тебя выгнала. Нарывался — вот и получил по сусалам.

Сева рассмеялся, сверкнув синим небесным взглядом.

— Кто там, Пунцов?

Крик моей жены из спальни разбудил меня окончательно. Я отступил в прихожую и поманил за собою Ромова.

— Коллега по работе. Спи, Лена. Все в порядке.

Ромов встал у зеркала и принялся себя разглядывать.

Я заметил глубокую свежую царапину у него на правой щеке.

— Ты что, подрался с Фокиной?

Он высокомерно посмотрел на меня, потом в зеркало на свою раненую щеку и, вынув из кармана белый платок, приложил его к ране.

— Ты же знаешь, что женщинам я возражаю только на вербальном уровне.

— Тогда откуда это?

— Кажется, упал на улице и оцарапался. Там кругом торчат когти Фредди Крюгера.

Тут я заметил, что Ромов пьян. Выпив, он становился чересчур весел и нес околесицу.

Я отвел его в комнату дочери, разобрал постель и попросил укладываться спать.

— А где ваша Коломбина? — он раздевался и продолжал нести пургу. — Какую барышню вы произвели на свет, Пунцовы! В двадцать лет — одни достоинства. Редкость в нашем амо... (он икнул) аморальном мире. Если бы не мои брачные обязательства, я наверняка предложил ей руку. Ты стал бы моим тестем, Пунцов?

— Ложись спать, Ромов. У меня завтра три лекции на переводческом.

— Три лекции на переводческом... — Ромов в трусах, футболке и с босыми ногами сидел на постели и никак не успокаивался. — Ваша Коломбина тоже будет переводчицей? Ну да, само собой. Семейная династия, семейные традиции. Так все-таки, где ваша наследница?

— В Рупольдинге. Поехала с друзьями на Рождественский биатлон.

— Она еще и биатлонистка? — он в шутку прицелился в меня из пальца. — Сколько бьет в стойке из пяти?

— Коломба знает четыре языка. Поехала попрактиковаться в гуще европейского зрителя.

— Понятно, понятно, — он изобразил звук заряжаемого оружия и спросил: — Вы, наверное, тоже хорошо стреляете, Азазелло?

Ромов продолжал в меня целиться, и я вдруг понял, что это уже не шутка. Людей всегда выдают глаза. В данном случае небесная синева ромовских глаз померкла и приобрела сине-чернильную густоту. В этой густоте я разглядел презрение и какую-то заношенную, стародавнюю ненависть.

Время шло, а мы продолжали торчать друг перед другом в этой глупой мизансцене: один в спальном халате, другой в трусах и с пальцем, выставленным в виде пистолетного дула.

— Хватит дрочить одну и ту же историю, — зло сказал я. — Мне это надоело.

Ромов раскрыл ладонь, потом резко лег, завернулся в одеяло, отвернулся к стене и глухо простонал:

— Ты прав, хватит. Надо было убить тебя тогда, а не корчить из себя добряка-самоубийцу.

Мы учились в одном классе: я, Сева Ромов и Алла Фокина. Алла и я еще в школе по-настоящему влюбились друг в друга и через два года после выпускного решили расписаться. Дело было на мази, но тут черт-те откуда вынырнул Сева Ромов. Уже тогда, в девятнадцать лет, он казался настоящим Казановой. Внешность его я описал, но, кроме того, он учился на втором курсе Щукинского театрального училища и уже выходил на сцену в двух спектаклях Театра имени Вахтангова с Лановым и Борисовой. Короче, в его колоде были только козыри.

За неделю до нашей свадьбы я застукал Аллу и Ромова в одной постели. Родители Фокиной — геологи — должны были вернуться к свадьбе дочери с Ямала, а она жила в трехкомнатной квартире одна с полуслепой и полуглухой бабушкой Марфой Павловной.

Сейчас я в подробностях не помню ту мерзкую сцену, когда накрыл любовников. Я — нервный тип, и тогда меня трясло не хуже, чем настоящего эпилептика. Пены у рта, слава богу, не было, но я порвал в буйном припадке простыню, разбил трюмо с тройным зеркалом и вывихнул себе правую руку.

— Как ты могла, бл... очкастая? — кричал я Алле в каком-то дурном замешательстве. В классе она и я носили очки, и теперь мне пришлось в голову лепить словесную грязь из этого теста. — Я же любил тебя, а ты, шлюха длинноногая, что натворила? Неужели ты не могла найти себе другого любовника, а не этого мудилу с глазами Иуды?

Алла плакала с каким-то театральным надрывом, а Ромов следил за мной, чтобы я не повредил его породистую физию. Я бесился до тех пор, пока в комнату не вползла полуглухая Марфа Павловна с мельхиоровым подносом, заставленным чашками, и не пригласила нас к столу пить чай. Именно подносом я расколотил трюмо, почему и помню его сверкающую мельхиоровую поверхность.

Ромов тогда оделся и ушел.

— Придешь в себя, тогда поговорим, — заявил он перед уходом.

А мы с Аллой еще полдня терзали и мучили друг друга. Я шипел змеем, она плакала, кусала ногти и визжала, что никогда не любила меня, а согласилась на свадьбу, только чтобы мне не было обидно. В конце концов я засветил локтем в стену, повредил руку, взвыл от боли и бежал, можно сказать, с поля боя не солоно хлебавши.

Во время той сцены двадцать пять лет назад она крикнула, что я — трус, а Ромов — сорвиголова.

Дальше вообще была комедия.

Представьте себе осеннее утро, около шести часов. На улице только-только рассвело, зашуршал транспорт, загремел трамвай. Желтая занавеска наполовину светится, наполовину серая.

Я слышу длинный злой звонок в дверь, и у меня падает сердце. Такие звонки ничего хорошего не сулят. Родители в своей комнате почему-то не реагируют. Уши забила ватой, что ли? Иду, открываю. На пороге парочка: Ромов и Фокина. И в глазах у обоих — восторг на уровне ужаса. Они в высоких ботинках, джинсах и куртках-парках. В Севиных руках — объемистый черный портфель.

Я внутри содрогаюсь и пытаюсь, конечно же, шутить:

— Идете расписываться? Рановато, да и костюмчики не для бракосочетания.

Тут Сева раскрывает портфель и показывает мне содержимое.

— Видишь там, на дне? — спрашивает он. — Знаешь, что это?

Я стараюсь оттянуть завязку кошмара и мекаю неуверенно:

— Ну, вижу. И что?

— Это я тебя спрашиваю, Пунцов, что ты видишь? Смелее, смелее. Ну?

Я хочу захлопнуть дверь, но Ромов ставит ногу и дверь остается открытой.

— Ну? — продолжает он. — Видишь или нет?

— Вижу.

— Ну?

Я вижу две штуки из серебристого металла на черном дне портфеля, но никак не могу произнести, что это. Мне кажется, назови я их верно, моя жизнь на этом кончится. Поэтому я все тяну и тяну, все мекаю и мекаю, как баран, которого ведут под нож:

— Здесь темно. Я вижу, что это, но, может быть, все-таки ошибаюсь.

И тут Алла, моя Алла, плюет мне в лицо и шипит, а губы у нее ползают под носом, как червяки:

— Утрись, Пунцов, утрись и скажи нам, что это? Ну что? Что?

Я вытираю ее плевком, холодный и мерзкий, как лопнувшая жаба, и почти кричу:

— Там два револьвера. Два.

— С полными обоймами, — добавляет Ромов.

— Ну и что?

— Один из них твой. Одевайся. Мы ждем тебя внизу. Поедем на станцию «Горенки» под Балашихой, подальше от людей.

— Зачем?

— Я желаю с тобой стреляться, — Ромов говорит это тихо и, кажется, всерьез.

Тут они уходят.

Внизу хлопает дверь подъезда, а я стою в трусах и шлепанцах на босу ногу, близкий к настоящему помешательству.

Каждому из нас по девятнадцать лет, мы знаем друг дружку как облупленных, ни один из нас психически не болен, и следовательно... Ездить никуда не надо! Они разыгрывают меня! Какая дуэль в двадцатом столетии!

Я думаю об этом, пока одеваюсь. То есть собираюсь ехать в эти самые сраные Горенки с этими екнуемыми полоумными, понимая, что ехать никуда не надо. Одевшись, я стою перед зеркалом в прихожей и всерьез прикидываю, не написать ли прощальное письмо маме с папой. Причем понимаю, что ничего более комичного, чем мысль о письме, сейчас нет. «Мама и папа! Ваш сын уехал стреляться на дуэли и, может быть, не вернется». Или так: «Если меня убьют сегодня на дуэли, знайте, что я любил вас больше всего на свете как сын и наследник». И подпись: «Студент (нет!)... Корнет Максимилиан Пунцов».

Вообще-то я Максим, Максон, Макс, но тут нужно будет соответствовать жанру и временно перевоплотиться в аристократически преобразенное и стильное привидение.

— Ждать себя заставляешь, Пунцов. Боишься, что ли? Зря. Пуля, как известно, дура и кого из нас с тобой выберет, неизвестно.

Я делаю вид, что не слушаю Ромова и уверенно иду к арке соседнего дома, через которую можно выйти на улицу. Придурки спешат за мной, о чем-то на ходу переговариваясь. До меня долетает аромат «Эсти Лаудер», духов, которые я подарил Фокиной перед нашей несостоявшейся свадьбой.

Есть во всех женщинах какая-то мстительность на уровне подножки в темной комнате все-таки.

Мы едем трамваем на Курский вокзал. В салоне полно народу и пахнет жарким потом и все теми же «Эсти Лаудер». Ромов стоит ко мне боком и то и дело колотит меня по ноге портфелем во время поворотов, торможения и разгона. Я отпихиваю портфель коленом. Алла буквально висит у Ромова на руке и жметя к нему, словно приклеенная.

«Остановка «Красные ворота». Следующая остановка...» — звучит электрический голос диктора. Лермонтов родился в Москве в районе Красных ворот. Был

убит на дуэли у горы Машук. Мы едем мимо Красных ворот в Горенки, чтобы убить друг друга. Какая нелепость! Бронзовый Лермонтов удивленно смотрит нам вслед, уперев подбородок в высокий воротник офицерского сюртука.

«Следующая остановка «Курский вокзал», конечная. Просьба не забывать вещи в салоне трамвая».

Приехали. Трамвай звенит и прощально шипит дверями. Мы в плотной кишке пассажирского потока вытекаем на улицу. Оказывается, начался дождь. Рядом хлопают открывающиеся зонты, нам в лица летит мелкая и холодная вода. Алла и Ромов опускают капюшоны на головы и выжидательно смотрят в мою сторону. Как будто я могу отменить московский дождик! Сами выбрали этот день, мерзавцы!

— Может быть, хватит? — спрашиваю я.

Они отворачиваются и идут в сторону вокзала, даже не сомневаясь, что я пойду за ними. Все-таки мир принадлежит уверенным людям, даже если они низкого сорта. Следовательно, и весь мир вокруг них такого же пошиба.

А если, скажем, я сейчас развернусь и пойду в другую сторону? Изменится ли от этого мир? В записках современников: «Мартынов напрасно прождал Лермонтова на месте дуэли. Поэт так и не явился на склон горы Машук. Русский гений опозорил себя в глазах своих сослуживцев-бретеров, но теперь мы имеем возможность наслаждаться двадцатитомником его неповторимых литературных шедевров».

Мне еще долго жить, и, возможно, я еще совершу то, ради чего стоило родиться.

Лермонтова мне не переплюнуть, но пару хороших переводов литературных алмазов я еще сделаю.

Черт с ними, поедем в Горенки! Пуля действительно дура и сама разберется, кто из нас с Ромовым больший болван!

Купив билеты, мы проходим в тупик № 2. Здесь пусто, потому что в столь раннее утро народ едет в Москву, а не наоборот. Потом мы садимся в вагон и располагаемся на сиденьях напротив друг друга. Электричка трогается, набирает ход, в ушах растет перестук колес и железный дребезг вагонной обшивки. Свет не горит. Нас освещает серый мигающий и уносящийся сам в себя утренний законный полумрак. Мы молчим. В глазах у каждого из нас стоит какая-то холодная хмарь. Русская самоуглубленность, как пишут в романах.

Где-то минут через пять Алла опускает голову на плечо к Ромову и закрывает глаза. Я тоже чувствую, что мной овладевает сон. Внутренность вагона сначала становится голубой, потом желтой и почти сразу розовой. Звучит клавишин, по проходу движутся балерины в серебристых коронах и белых пачках. Они плавно вздымают голые руки и смотрят куда-то вверх.

Потом балерины уплывают и я вижу своих родителей. У мамы в руках торт со свечами, а у папы — автомат Калашникова. Они останавливаются передо мной, и мама говорит:

— С днем рождения, Максим. Ты не написал нам прощального письма, но мы все поняли. Сегодня ты родился второй раз. Вот наши тебе подарки!

Она разламывает торт, внутри которого я вижу мертвую голову Ромова. Я хочу бежать вон из вагона, но папа перегораживает мне дорогу и радостно кричит:

— Теперь твое имя будет жить в веках, как имя поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Потом он передергивает затвор автомата и дает очередь в потолок. Сверху сыплется пластик вместе с алюминием, и этот тяжелый мусор колотит меня по плечам.

— Проснись, Пунцов, выходи.

Я открываю глаза. Передо мной стоит Ромов и трясет меня за плечо:

— Через минуточку Горенки. Вставай, пошли.

Поднявшись с нагретого сиденья, вдруг всем телом я чувствую озноб. Кажется, даже зубы выбивают мелкую дробь. На ходу я делаю несколько приседаний, чтобы согреться. Ромов и Фокина держатся сзади, точно конвоиры.

Вот и свежий утренний воздух, перрон, какая-то стертая природа впереди и справа, мышиного цвета и небольшого размера. Я вижу синие дыры в сером небе, словно капли краски на выцветшем холсте. На металлической табличке — надпись «Г... ренки». Букву «о» заменяет ржавистый овал со следами давно отвалившихся скоб.

— Подождите! — говорит Ромов. Он зажимает портфель между ног и закуривает. В его глазах — смурь. Мне кажется, ему не хочется идти дальше, поэтому он долго растягивает папиросу, закидывает голову вверх и курит, курит, как матрос перед отплытием в кругосветку.

Я смотрю на Аллу и понимаю, что она страшно трусит сейчас. Ее красивое, в общем-то, лицо невыразительно и серо, как вот это небо над нами. Она молчит, и ее молчание еще раз подтверждает мою догадку о том, что они сами не стремятся к тому, что задумали.

Сначала я рассчитываю блефовать и разыграть недовольство всеми затяжками и заторами. Мол, хочу стреляться, и немедленно! Но тут же мне приходит в голову мысль говорить правду и именно так, как я ее себе и представляю. Дело-то нешуточное. Игра не в фантики, а со смертью.

Если Ромов и Фокина хотят любить друг друга, то я им не помеха. Просто не надо было делать все это так беспардонно, то есть бросать мне вызов или ставить меня перед фактом — считайте, как хотите — накануне свадьбы.

Психовал я не потому, что хотел облить грязью их любовь, а из-за своего бешеного характера. Да-да, я самолюбив и эгоистичен до крайности! Я реву, как медведь, и исхожу пеной, как бык, даже если в толпе мне случайно наступают на ногу! Вот и сорвался с катушек, застав их в постели!

А так... Так я все понимаю... Если бы меня выволокли из кровати моей возлюбленной и начали орать в мой адрес всякие пошлости, я не то чтобы вызвал противника на дуэль... Я бы... Я... Я порвал бы ему горло зубами и намотал окровавленные связки на локоть! Вот что бы я сделал с этим подонком!

— Пунцов! Что ты сверлишь Алку глазами, словно тупым сверлом? Хочешь взбесить меня окончательно?

Ромов курит, пускает дым мне в лицо и смотрит так, словно увидел позорную лужу у меня под ногами. Взгляд его — это взгляд короля на шута, голос тоже полон высокомерия и прямо-таки нечеловеческого презрения.

Алла также приободрилась и взирает на меня с насмешкой.

Прихожу в себя и отбрасываю прочь сопливые мыслишки о примирении. Хорош бы я был, поддавшись своему фальшивому гуманизму. Я до сих пор не верю в возможность дуэли, но отбрасываю долой мысль о каком-бы то ни было примирении. Я не отвечаю Ромову на его вопрос, а задаю свой, как можно равнодушнее и отвлеченней:

— Долго еще? — и добавляю, словно в насмешку: — Кстати, откуда у тебя эти револьверы, такое старье дремучее? Они не развалятся, часом, при стрельбе, Ромов? Их не будут искать в музее, из которого ты их слямзил?

— Не развалятся. Это американский «Смит и Вессон», подарок командования моему дяде-кавалеру. Он в деменции и этих игрушек никогда не хватится.

— Тогда пошли.

— Пошли, — он сплевывает на окурки и прячет его в кармане своей парки. — Чтобы не было лишних следов, — поясняет он мне. — Оставшемуся в живых не уйти от следствия. Поэтому надо застраховаться.

Я качаю головой, как бы поражаясь очередной глупости, и спрашиваю:

— Куда теперь?

— Вон к тому лесу. Пройдем его и выйдем к старым отстойникам. Там самое подходящее место. Труп затаит в отстойник, и его там в гуще грязи искать не будут. Давай шагай. Тут полчаса ходу.

В лесу тихо и сыро. Под ногами все время хлопает вода или мокрая грязь. Через полчаса мы выходим на поле, изрытое и уставленное небольшими глиняными кратерами. Это и есть отстойники, куда сливают говно из городской московской канализации. Теперь в воздухе пахнет какими-то несвежими тряпками и как будто солидолом. Это наша гора Машук, только порядком истоптанная и обоссанная.

Ромов сначала приостанавливается, точно вспоминая, куда идти дальше. Потом взмахивает рукой, указывает направление, и мы все идем влево. Вот перед нами кратер радиусом в десять метров, заполненный ржаво-бурой жижей. Над жижей поднимаются земляные стены высотой метра в два.

Ромов останавливается и смотрит на жижу, словно убеждается в ее качестве. Фокина стоит рядом с ним ни жива ни мертва. До нее дошло наконец, что ее избранник — псих на воле и сейчас начнет буяннить. Она смотрит дрожащими глазами то на него, то на меня и все еще не верит в происходящее.

А я молчу, потому что ощущаю приступ той медвежье-бычьей злобы, когда вся реальность концентрируется в одной фигуре, которая и является моим смертным врагом.

Я потираю руки, разогревая их, и мрачно говорю:

— Дальше.

— Дальше? — он корчит из себя хозяина положения, отчего его голос начинает трещать, как старая фанера, но он сам этого не слышит, насколько я понимаю, от страха. — Дальше я бы на твоём месте извинился перед нами — и все в ажуре.

Я грубо посылаю его на три буквы и требую начинать то, что он назвал дуэлью.

Фокина отходит в сторону. Ромов вынимает из портфеля два револьвера, коробку с патронами, заряжает обоймы и протягивает мне оружие на выбор. Я забираю тот, что справа, и опять говорю:

— Дальше.

— Кинем жребий. Алла, иди сюда.

Она послушно идет к нему, а я, чтобы не брать в голову лишнего, рассматриваю свой «Смит и Вессон». Ромов копается в кармане, достает пятак и передает его Фокиной.

— Ну? — спрашивает он меня.

— Решка.

— Значит, у меня орел. Швыряй, Алла!

Она подбрасывает монетку. Дальше они ищут ее в грязи и, найдя, смотрят друг на друга растерянно, словно иностранцы. Итак, я угадал. Мой выстрел первый.

— Где барьер?

— Стоим у краев отстойника, с разных сторон. Стреляем по команде секунданта. Секундант — Алла. Труп падает вниз и тонет. На том и разоидемся. Все ясно?

Боже, как мне холодно. Я буквально бегу на ту сторону вонючего земляного корыта и, заняв позицию, кричу:

— Я готов.

Ромов целует Аллу в губы, потом отталкивает ее с ненавистью и кричит:

— Я тоже готов!

Фокина вдруг бросается к нему и кричит в истерике, что мы сошли с ума, что надо прекратить дуэль, что она не перенесет, если один из нас погибнет. Ромов хватается за горло, зажимает рот и с силой отбрасывает в сторону. Она вопит еще что-то в том же роде, но Ромов вдруг наводит на нее свой «Смит и Вессон» и орет:

— Иди на место! Убью!

Она, спотыкаясь, бежит и встает на середине дуги между нами. Она ревет с такими затычными воплями, что над полем вдали с возмущенными криками взлетает вверх туча ворон.

— Маши рукой! — требует Ромов. Она нелепо взмахивает ладонью и начинает в истерике бить башмаком в землю. — Начали! Стреляй, Пунцов!

Я опускаю затвор до щелчка, свидетельствующего о том, что патрон вошел в патронник, поднимаю руку с револьвером вертикально вверх и палю в небо. Стая ворон, очумев, несется куда-то в сторону и скрывается из виду. Мы остаемся среди тишины, смрадной вони и серого утреннего света.

«Теперь надо встать к Ромову в профиль», — команду я себе и с трудом поворачиваюсь на мертвых ногах. Еще я приказываю себе не смотреть на противника, но смотрю на него не отрываясь. И вижу, как он щелкает затвором, подносит дуло револьвера к своему правому виску и жмет на курок.

Дальше ничего не происходит. Железный щелчок, пустой и какой-то игрушечный. Ромов стоит, приложив руку к виску, словно отдает мне честь. И больше — ничего. Осечка!

Вдруг я слышу долгий крик: «И-и-и!» — как будто младенца засасывает в пасть какое-то длинное, похожее на мясную трубу животное. «И-и-и» несется с того места, где только что стояла Фокина. Вмиг я прихожу в себя и вижу, как она съезжает по текучей глине вниз, в пасть зловонной жиже. Я ору: «Ромов! Алла тонет! За мной!» — и бегу к девушке. Потом я успеваю заметить ее голову и выпученные от страха глаза над жижей. Потом я ныряю с разбега, в лоб мне бьет что-то вроде моря говна, я ловлю Фокину за волосы и тяну, тяну, тяну ее вверх.

Мы карабкаемся с нею вверх по склону, причем Фокина лупит меня подошвой ботинка в лицо, но это уже ничего, потому что мы вне опасности. Я первым переваливаюсь через земляной борт отстойника и волоку девушку за собой. Наконец мы лежим на глине и друг на друге, обдавая себя вонью и жижей. Мы спасены! Мы выплыли из этой срани!

Краем глаза я вижу Ромова, который стоит там, где он и стоял во время дуэли. В нашу сторону он даже не смотрит, а трясушимися руками прячет револьвер в портфель, по-собачьи оглядываясь по сторонам. Точно трусит, не засекли ли его хулиганства?

Я обнимаю Фокину и чувствую, как ее рвет прямо мне на плечо.

Ну и пусть! Все лучше, чем видеть труп любимой девушки, который засасывает в грязный и блевотный отстойник!

Как Ромов поймал грузовик, как на нем мы вернулись в Москву, как притащили девушку ко мне, отмыли ее и привели в чувство — не важно. Важно другое. Проводив ее до дома, мы с Ромовым — два друга-два врага — стоим под козырьком подъезда и все ждем, что кто-то из нас скажет сейчас главное слово. Я чувствую, что он не только не понимает своей вины, а считает меня виновником того, что случилось. Даже в осенней темноте его синие глаза светятся бессовестной чистотой.

Надо развернуться и молча уйти, но я, девятнадцатилетний, тогда еще верю в сермяжную правду и говорю:

— Она могла бы утонуть.

И слышу в ответ:

— Я мог бы застрелиться.

Ни один мускул при этом не сокращается на его лице, только глаза становятся еще более яркими и чистыми.

Через полгода Ромов и Фокина сыграли свадьбу. Я был приглашен, но сказал, что тяжело болен, и там не был.

Думал, что она проклянет его навеки, но, как видите, в очередной раз сильно заблуждался.

Прошло двадцать пять лет. Я давно уже обзавелся семьей, перевожу художественные произведения с английского и испанского языков для одного популярного издательства. Читаю лекции в институте. Ромов не стал актером и сейчас работает на фирме, торгующей иностранными автомобилями. Каждый из нас прочно вписался в жизнь. Видимся мы редко, потому что нам нет никакого дела друг до друга. Они с Фокиной приходили ко мне на сорокалетие, а я поздравил его с сорокапятилетием через фейсбук. Вот, кажется, и все.

Поняли — и проехали.

Но жизнь решила по-своему. Она вновь свела нас нос к носу, чтобы мы, выскомерные и самовлюбленные глупцы и ленивцы, поняли, что в слове «поняли» есть не только буквы и звуки, но и важный для любого человека смысл.

Итак, как я уже сказал, в тот день к нам в дом внезапно явился Сева Ромов и заночевал. Рано утром я убежал в Институт, вкратце пояснив жене, с кем ей придется иметь дело.

— Что ему от тебя надо? — спросила Лена.

Я пожал плечами.

— Сырники на завтрак его устроят?

— Думаю, что да. Только не ходи перед ним в этом халате.

— Слишком старый?

— Слишком короткий. You see?*

— Stupid satyr**.

— Я побежал. Буду к восьми.

Отчитав лекции и побывав на заседании кафедры, я вернулся домой. Ромова у нас не было. Лена его тоже не видела. Он улизнул незаметно. Это в его характере. Одним он вешал проблемы, для других оставался приятным незнакомцем, о котором много слышали, но ни разу не видели.

Мы ужинали, когда раздался телефонный звонок. Я взял трубку.

— Спасибо тебе, Пунцов, — голос у Ромова был искренний. — Спас меня от моей же глупости. Передавай привет Лене. Сырники она готовит отменные.

— Я ничего не понимаю. Ты сбежал, ничего не попробовав.

— Я чуял по запаху. Прелесть, а не сырники.

— Ты в порядке?

— В полном. Привет!

Через день из Германии прилетела Коломба. Она тут же с головой окунулась в учебу. Ей нравилась ее специальность — романские языки. И вообще нравилось жить так, как она живет. То есть быть погруженной в море дел и все успевать, ни на что не жалуясь.

А мне нравилось наблюдать за ней, когда она сидела дома и занималась переводами. Время суток для нее роли не играло. Она была свежа и энергична постоянно. Моя жена Лена передала ей славянское лицо правильной формы, закругленные скулы, мягкий рот с небольшими, но пухлыми губками, подбородок с ямочкой и тонкую, гибкую, пластичную, очень женственную фигуру. Роста Коломба была небольшого и при ходьбе стремительно скользила, а не шагала. От меня дочь унаследовала глаза-угли каплевидной формы, вороные волосы, пышные и густые, а также носик с соблазнительной, но опасной горбинкой. Моя мама — дочь испанки,

* Понимаешь? (англ.).

** Глупый развратник (англ.).

привезенной в СССР ребенком в 1938 году. Бабушка, Долорес Гарсиа, передала всем нам, своим наследникам, кастильский жгучий мрак в зрачках и цвете волос и кошачью томность, переходящую во взрывной темперамент.

Дедушка Пунцов был сибиряк. Это что касается моей крови. Родители жены Лены родились и выросли в Шклове, на востоке Белоруссии. Упрямая Сибирь, терпеливая Беларусь и пылкая Испания дали красивое потомство.

Имя Коломба нам с женой пришло в голову одновременно, после сериала про американского лейтенанта полиции Коломбо. В имени тайлосно что-то от куколки и от бомбы. Для нашей дочери это было то что надо.

В феврале завьюжило, город за один день укутался белизной и тишиной. На землю и деревья легли ковры и булки из снега. Люди и машины стали лишними среди этого погруженного в созерцание самого себя безмолвного великолепия.

Воскресным утром Коломба ушла пробежаться на лыжах по парку. От нас до Сокольников всего ничего, пара километров. Обычно дочь уходила с лыжами на час и возвращалась, сияя красным и возбужденным от мороза и бега лицом. От нее по дому разлетались волны свежего воздуха и радости.

Но в этот раз она задержалась и была непохожа сама на себя. Сбросив обувь и куртку, Коломба закрылась в ванной и долго оттуда не выходила. Не выдержав, Лена постучала в дверь и спросила:

— Все в порядке?

— Можно мне спокойно принять душ? — вдруг крикнула Коломба. Голос у нее был глухой и словно обиженный. — Ни минуты покоя в собственном доме.

— Что-то случилось, — жена посмотрела на меня с тревогой. — Ты слышал, как она отвечает?

Я кивнул и сделал знак рукой, обозначающий: выйдет — разберемся. Лена покачала головой и поджала губы: мол, как хотите, так и поступайте.

Прошло еще минут пять. Дочь выскочила из ванной и теперь спряталась в своей комнате. Зазвучал третий концерт Рахманинова. Громко работал музыкальный центр.

Жена постучала в дверь.

— Я скоро, — крикнула дочь. — Простите, но мне нужно четверть часа, не больше.

Я взял жену под руку и мягко увел ее в нашу комнату. Лена не сопротивлялась, только рука у нее стала холодная и жесткая, а над ключицей выступила синяя жилка. Она пульсировала и как будто чего-то требовала, то надуваясь, то опадая.

Я засмотрелся на жилку и выпал из ситуации.

— Максим! — окликнула меня жена. — С нашей дочерью что-то не так. Очнись наконец и вспомни, что ты отец, а не сторонний наблюдатель.

— Мне кажется, — я откашлялся, чтобы собраться с мыслями, — мне кажется, ей в данный момент не до нас. Не стоит ее дергать без причины. Пусть успокоится и сама потом все нам расскажет.

— А если ее обидели в парке?

— Кто?

— Испугали чем-то или угрожали?

— Лена, Лена, — я приобнял жену и поцеловал ее в висок, в брови и в переносицу. — Не надо сочинять ерунды. Сегодня выходной, в Сокольниках полно народу, кто среди бела дня будет приставать к девушке?

— Дураки всегда найдутся.

— Знаешь, на лыжах даже флиртовать как-то неудобно. Не говоря уже о грубом съеме или вообще угрозах. И потом, Коломба здорово владеет коньковым ходом. Лично я ее не догону, это точно.

— А пуля?

— А ношение огнестрельного оружия частными лицами у нас запрещено законом. Статья 222-я Уголовного кодекса Российской Федерации.

Я усадил Лену в кресло и добавил:

— Успокойся, пожалуйста. Скорее всего, Коломба сама чего-то напутала. Сейчас придет в себя и все нам расскажет.

Вдруг Лена рассмеялась, словно и не нервничала перед этим, и коварным шепотом произнесла:

— А если это Амур со своими хитрыми стрелами?

— Амуру будет холодно с голым торсом на нашем морозе.

Мы с женой уже сели обедать, когда к столу пришла Коломба. Я поразился. Дочь показалась мне повзрослевшей лет на пять. В манере держаться у нее появилась степенность, а в голосе, как мы чуть позже услышали, нотки претензии, как у скучающей за прилавком продавщицы.

— Опять куриная лапша? — Коломба села за стол и подперла рукой голову. — А нет чего-нибудь другого?

Жена не успела ничего ответить, так как я наступил ей на ногу. Я ел первое, жена тоже, дочь щипала хлеб и смотрела в стену. К супу она не притронулась. Все молчали, углубленные каждый в свое.

— Спасибо, Леночка, — я отодвинул пустую тарелку и вытер салфеткой губы. — Что там дальше?

— Тушеные кабачки.

— Прекрасно. Ты будешь? — я посмотрел на дочь.

Та услышала в моем голосе нескрываемую насмешку и прикрыла ладонью глаза. Я кивнул жене, чтобы та ставила второе. Лена подала три тарелки с кабачками на стол и села.

Мы ели, а Коломба продолжала сидеть, прикрыв глаза. Вдруг она убрала ладонь с лица и громко сказала:

— Между прочим, папа...

— Между прочим, дочка, — перебил я ее не менее громким голосом, — мне очень не нравится твое поведение. Мама волновалась, что именно с тобой произошло в парке, и я тоже. Мы ждали твоего рассказа, чтобы помочь. Ты решила обойтись без нашей помощи.

— По-моему, папа, в моем возрасте я вполне могу решать свои проблемы самостоятельно. Разве нет?

Я пожал плечами. Коломба посмотрела на маму. Та приподняла и опустила брови и чуть поджала губы.

— Я могу идти? — Коломба занервничала, но старалась не показать этого.

— Конечно. Иди.

Она встала, обвела нас с женой своими повзрослевшими глазами, опять опустила за стол и вдруг сказала:

— Дело в том, что меня преследовал в парке один тип. Также на лыжах. Высокый, в лисьей шапке, с очень красивым и наглым лицом. Ехал за мной метрах в пятидесяти. Остановлюсь — он тоже. Прибавлю хода — и он набавляет. Но ко мне не приближается. И так в течение двух часов. Как только я вышла из парка, он куда-то исчез. Я испугалась и вернулась домой. Вот и все. По-моему, это какой-то фейк или троллинг. А вы что думаете?

Моя жена погладила ее по плечу:

— Может быть, однокурсник?

— У нас на курсе таких гулливеров нет. Потом, ему вообще лет за сорок. Вроде тебя, папа.

Я смотрел на лицо Коломбы как можно спокойнее, чтобы дочь почувствовала, что ей ничего не грозит и папа всегда готов прийти на помощь. Хотя мне самому было по-настоящему тревожно. Дочери двадцать лет, выглядит она привлекательно, так что от парней и мужчин можно ожидать чего угодно. К тому же мне очень не нравились сегодняшние внезапные возрастные изменения в ее глазах и чертах лица. Такое бывает с женщинами, когда они вдруг чувствуют агрессию со стороны лиц другого пола. Конечно, так защищает себя природа. Но, можно сказать, что защищает двусмысленно. «Я уже не так молода и наивна, как вам хотелось бы, но и не так молода и неумела, чтобы не доставить вам истинного удовольствия». Вот что говорит и как заигрывает с мужчинами природа женская.

Varium et mutabile semper femina*.

В конце концов испанская кровь дала себя знать. Я поднялся из-за стола, выпрямился во весь рост и заявил:

— Мое решение следующее. Ничего, Коломба, не бойся и веди себя как обычно. Всю ответственность я беру на себя. Если кто-то посмеет хотя бы пальцем к тебе прикоснуться, ему не поздоровится. Если этот тип появится опять, будет иметь дело со мной. Все, на этом покончим. Мы с мамой тебя любим и в обиду не дадим. Calmate**.

— Esta bien***.

Прошло буквально две недели, как ситуация стала намного любопытнее. Выйдя вечером из Института, я столкнулся с Коломбой. Она ожидала меня прямо у дверей. Глаза у нее сияли, а с черных мелко завитых волос буквально сыпались искры.

— Привет, — сказал я, улыбаясь. — Не ожидал тебя увидеть.

— Пойдем в «Кофе-хаус». Надо поболтать.

В кафе мы сели за дальний столик и заказали по чашке эспрессо. Я решил не тянуть кота за хвост и хотел сразу приступить к расспросам. Но дочь меня оставила и начала первой.

— Помнишь ту историю с дуэлью? — спросила Коломба. — С твоим одноклассником Хромовым?

— Помню. Рассказывал. Только он Ромов, а не Хромов.

Дочь положила на столик айфон и спросила:

— Это он?

На мониторе гаджета я увидел фото Ромова. Сева был в черном пиджаке, снежно-белой сорочке и пунцовом галстуке. Смотрел мой бывший одноклассник задумчиво и как бы устало. На губах его дрожала улыбка, а в синих глазах теплилась нежность.

— Он. А что?

Дочь залпом выпила свою чашку кофе, долго молчала и каким-то бесшабашным голосом вдруг заявила:

— А то! Преследователь в парке — это он. Помнишь, две недели назад в Сокольниках? Так вот. Он нашел меня в университете и представился. Пригласил в ресторан «Пушкинь», потом в Большой на «Травиату». Я не отказалась. Короче, мы с ним встречаемся. Он ничего, только слишком молчаливый. И такой высокий! Я рядом с ним крошечка-хаврошечка!.. Папа, что с тобой?

Возможно, я побледнел или, наоборот, покраснел или позеленел. И с волос на голове у меня, наверное, тоже посыпались искры. Но помню точно, что кофейная чашка лопнула у меня в руке, а между пальцев проступила кровь. К нам подбежала официантка

* Женщина всегда изменчива и непостоянна (лат.).

** Успокойся (исп.).

*** Договорились (исп.).

и начала вытирать столешницу фартуком. Я откинулся на стуле и стал рассматривать ресторанный холл. Мне казалось в ту минуту, что я — это не я, ну и девушка рядом со мной — какая-то малахольная идиотка, но уж никак не моя любимая дочь Коломба.

Пришел я в себя, почувствовав, что Коломба бинтует мою ладонь своим платком. Я рассмотрел ее вороные волосы, нос с горбинкой, пухлые губы и представил, как их целует этот подонок. Сейчас, глядя на свою дочь, я понял, что не могу назвать Ромова по-другому.

Она затянула узелок на платке и подняла на меня глаза.

— Больно, папа?

— Пустяки. Спасибо. Теперь послушай меня очень внимательно.

Она села и сложила руки перед собой, словно ученица.

— Победы, пораженья, удачи, ошибки — выбирать тебе самой. Я могу только подсказать. Сева Ромов — негодяй. Мягко стелет, так это называется, но грубо шьет. Он любит только себя, хотя при этом втайне ненавидит себя больше других. Сложная смесь или противоречие. Дурной и в то же время обаятельный характер. Похоже на вещество, которое лечит, но в определенных дозах является смертельным ядом. На той дуэли... — я замолк, осознав вдруг, что так и не понял, что произошло тогда на станции Горенки на краю водоотстойника: — Он хотел пустить пулю себе в лоб. Но вместо этого изобразил осечку, пугая меня и свою будущую жену Аллу Фокину. *Ni jo de puta!** Короче, он из тех мерзавцев, которые поднесут своей избраннице гору роз и алмазный венец, а потом возьмут и проиграют ее в карты вместе с венцом и алмазами.

Дочь улыбнулась. Я понял, что говорю для нее все не так и не о том. Я опоздал. У нее был уже свой Сева Ромов, который выгодно отличался от нарисованного мною образа. Моя дочь верила в то, что она счастлива, и не желала видеть мир по-другому.

Я умолк.

— То есть ты хочешь сказать, что Всеволод — обманщик?

Господи боже мой! Коломба слушала меня и не верила ни единому моему слову. Лицо ее горело и глаза наполнялись таинственным жгучим мраком, которым влюбленная женщина обволакивает при страстном поцелуе своего любовника и лишает его и себя разума. Мы лишь говорили о нем, а тело ее и психика работали на отдачу, видя за словами живого, желанного мужчину.

Я накрыл ладонью ее руки, показательно послушно лежавшие на столе, и сказал тоном, каким педагоги заканчивают лекцию (играть так играть с упрямым соперником по его правилам, выжидая следующего удобного момента для победной атаки):

— Он неврастеник и трус, как всякий красавец, понявший, что красота — временное явление.

— По-моему, ты преувеличиваешь.

— Он старше тебя на двадцать пять лет.

— По-моему, это не так важно.

— Он женат.

— Меня это не касается.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Конечно. Я-то пока свободна. И вообще (она прищурила глаза, как ребенок, которого ведут к елке, чтобы вручить новогодний подарок)... Может быть, это пока не перст судьбы, но очень крутое приключение.

— Повторяю тебе еще раз, Коломба. Ромов — плохой человек.

Дочь открыла глаза, осторожно взяла мою раненую руку и несколько раз ее нежно поцеловала. Этот жест довел меня до горлового спазма.

* *Сукин сын!* (исп.).

— С ним интересно. Он — трикстер. Он — сорвиголова. Неужели ты этого не видишь, папа?

Сорвиголова! Я уже слышал это от Фокиной, когда Ромов ломал нашу с ней судьбу. Такие типы дурачат вас, превращая вашу кровь и ваши лучшие чувства в воду и холодные слова!

Я приоткрыл рот, чтобы сказать это, но Коломба положила мне на губы свою горячую ладонь и сжала пальцы.

— Fine, — она держала мой рот на замке несколько секунд, потом медленно убрала руку и свела черные брови над переносицей. — Мне пора.

Я чувствовал под своим носом теплый след от ее девчачьей кожи и, как все отцы в такой момент,плыл совсем не в ту сторону, куда намеревался. Глотком убрав спазм, я восстановил свое лицо, собрал остаток мыслей, настроил голос:

— Постарайся быть дома к ужину. Если задержишься, позвони маме, чтобы она не волновалась.

Коломба поднялась и пошла к выходу. Потом вдруг вернулась, чмокнула меня в щеку:

— No te preocupes, papá, nos dormimos pies contra cabeza*.

От души рассмеялась и улетела.

Правильно, Коломба, Коломбочка! Черноглазый, светлый ангел моей души! Иностраннный язык снимает эмоциональное напряжение и превращает любой тяжеловесный разговор в чужеземную словесную пыль.

Дома я рассказал Лене об этой встрече и попросил пока не вмешиваться. Мне казалось, что жена может внести сюда душевную путаницу.

— Ты уверен, что ничего лишнего не случится? — Лена отреагировала спокойнее, чем я ожидал. Спросила так, как говорят о погоде или меню к ужину.

— Поверь мне, через пару недель они расстанутся. Коломба — девочка с головой и на глупости неспособна.

— Все равно, на твоем месте я бы поговорила с этим Ромовым. Береженого бог бережет

— Хорошо. Посмотрим.

В конце февраля меня пригласил к себе директор издательства. Мой перевод романа «Искупление грехов» писателя Муньеса Хорхе Барки был удостоен премии в Испании и меня приглашали в Барселону получить деньги и познакомиться непосредственно с автором. Приз был небольшой, три тысячи евро, но недельное пребывание шло за счет испанцев и никаких забот от меня, кроме пары лекций в университетах и участия в паре банкетов, не требовало. Я согласился, получил подъемные от издательства и отбыл в столицу Каталонии.

Там я больше отдыхал, чем занимался делом. Барка оказался учтивым и мало-разговорчивым испанцем. Виделись мы с ним два раза, и никакого воодушевления с его стороны я не ощутил. Больше того, в какой-то момент мне вообще показалось, что «Искупление грехов» написал не он.

Со мной вместе был директор издательства, и однажды вечером я высказал ему свои сомнения.

— Черт их разберет, этих головорезов, — так неожиданно отреагировал мой директор. — У них тут свой Союз писателей, похлеще нашего. Главное, валюта настоящая, а остальное нас не касается. Улыбаемся, жмем ручки, заключаем новые контракты и отваливаем подобру-поздорову. Лорка, Барка или там Петрарка — нам без разницы.

— Петрарка был итальянец.

— Тем более. Перед выездом советую проверить чемоданы. Криминал тут не дремлет.

* Не переживай, папочка, мы спали вальтом (исп.).

В Шереметьево запиликал мой айфон. Звонила Лена. Голос у нее был самый подходящий для встречи мужа-триумфатора из Барселоны.

— Здравствуй, Максим! Ты меня слышишь? У нас беда. Коломба пропала. Она тебе не звонила, нет?

— Нет. Что значит пропала?

— Второй день не ночует дома. Трубку не берет. Я хотела звонить в полицию, но решила дожидаться тебя. Кстати, как твои дела? Все в порядке?

— Уже нет. Беру такси, через час буду. Жди меня и держи себя в руках. Целую, пока!

Я знал, что Коломба у Ромова. Только не имел понятия, где Ромов. Помнил, что лет пять назад они с Фокиной купили квартиру где-то в районе Ново-Переделкино, но без точного адреса это знание ничего не стоило.

Весь день я пытался найти какую-нибудь зацепку, чтобы выйти на его след. Обзванивал фирмы, торгующие легковыми автомобилями, чьи адреса обнаружил в Интернете. Отыскал в фейсбуке около пяти десятков Всеволодов Ромовых, ни один из которых не был нужным мне похитителем моей дочери. Продолжал звонить Коломбе, но мне говорили, что связь с ней отсутствует. Я зашел в тупик. Лена съездила к Коломбе в университет и с удивлением узнала, что дочь оформила накануне академический отпуск. Никто из ее однокурсников не мог предположить причины такого поступка. В деканате считали, что студентка приняла это решение с ведома своих родителей, то есть нас с Леной. Замдекана огорошил мою жену странной версией. Нагнав ее в коридоре, когда моя жена уходила, он окликнул ее и, понимающе улыбаясь, сказал:

— Думаю, она сейчас за границей. В теплых краях. Вспомните, может быть, она сама с вами как-нибудь об этом говорила? Просто вы не обратили внимания или забыли, — и добавил двусмысленно: — Себя-то мы любим, а вот о других частенько забываем.

— Простите, — вздрогнула моя жена, — откуда вы знаете, что за границей?

Невысокого роста пятидесятилетний мужчина, похожий на потрепанного жизнью медвежонка Винни Пуха и поросенка Пятачка в одном лице, как с некоторой язвительностью вспоминала потом Лена, пожал плечами и несколько раз цокнул языком:

— Знать не знаю, но видел, как у нее из сумочки выпал загранпаспорт, когда она писала заявление на академку.

— Это точно?

— Как то, что я — Леонид Прибавкин, замдекана этой умирающей конторы, отец четверых детей и автор книги «Забывтые языки Древней Эфиопии», которую никто никогда не читал и читать никогда не будет.

Он развернулся и пошел прочь, приговаривая:

— В загранке ваша дочка, в загранке, будьте покойны!.. А, должно быть, в этой самой Эфиопии теперь жароша!.. Что?

К девяти вечера на семейном совете мы решили, что надо обращаться в полицию. Но не успел я взять в руки телефон, как он запиликал с особенной энергией. Нажав кнопку связи, я увидел на мониторе физиономию Ромова. От волнения я чуть не выронил гаджет. К моему плечу приклеилась Лена и, опередив меня, с женским вызовом спросила:

— Где наша дочь, господин Ромов?

Он молчал не более трех секунд.

— Здравствуйте, Лена. Ваша дочь в Вене.

— С вами?

— Упаси бог. Я в Москве, на работе.

— Что это значит?

— Не волнуйтесь, Лена. С Коломбой все в порядке. Она там не одна.

— С кем же?

Ромов как будто замялся, но тут же улыбнулся и сказал:

— С очень приличным человеком. Ему можно верить так же, как и мне.

— Сомнительная гарантия! — крикнул я в айфон.

— Макс! — Ромов опять немного подумал. — Лена! Позвольте нам поговорить с вашим мужем один на один.

Я чуть подтолкнул жену плечом в направлении двери. Лена бросила на меня недоверчивый взгляд, но потом все же взяла себя в руки и послушно удалилась из комнаты.

— Мы одни. Я слушаю тебя, Ромов.

Он поднес айфон поближе к лицу и четко произнес одними губами: «Прослушка. От фирмы, — и смешно скривил лицо, гримасой передавая приблизительно следующее: — Лезут, суки, в каждую дырку. Житья не дают, гады!»

Я понимающе кивнул и спросил:

— Что ты предлагаешь?

— Выходи. Я возле вашего дома. Спокойно все обсудим.

Жена сидела в кухне и пила кофе. При этом вид у нее был такой, что она пьет чашку, которую ей поднесли, выполняя последнее желание перед казнью.

— Лена, спокойно, — я стоял в дверях кухни и натягивал пальто. — Он ждет меня во дворе. Мы поговорим с ним о Коломбе и я вернусь. Потом примем вместе решение, как быть дальше, в зависимости от его рассказа. Хорошо, милая?

— Почему он не поднимется в квартиру? Здесь бы и поговорили.

Я уже застегивал пуговицы.

— По-моему, он чего-то боится.

Тогда мне уже было ясно, что боится он именно моей жены. Но говорил специально расплывчато, как герой телесериала, растягивающий информацию на три ближайšie серии.

— А по-моему, он просто ничтожество, которое боится, что я выцарапаю ему глаза (да, читатели мои, от женщин ничего не скроешь, мужские игры тут как перетягивание каната по сравнению с преферансом). Иди, только не вздумай ему верить. Он слишком красив, как самый отпетый жулик.

Буркнув что-то обнадеживающее, я прикрыл дверь в кухню и вывалился из квартиры.

На улице было сыро, дул ледяной ветер. Небо горело желто-красным, как бывает теперь над ночной Москвой. От этого свечения все казалось каким-то мелким и грязным. Снег напоминал хлопья библиотечной бумаги, вывалившейся из зачитанных до дыр книг.

Слева от подъезда стоял летящей формы лимузин невероятно черного цвета. Такой цвет виден даже самой глубокой ночью. Водитель коротко просигналил. Я понял, что в лимузине сидит Ромов, и направился к машине. В салоне зажегся золотистого оттенка свет, потом открылась передняя правая дверца. Я согнулся, забрался в машину и сел на удобное, мягкое сиденье с подлокотником.

Мы молчали. Ромов курил, я смотрел прямо перед собой, словно мы куда-то едем и я слежу за летящим нам навстречу полотном дороги. Ситуация была отвратительная. Больше всего мне хотелось навалиться на Ромова всем телом и молотить его по голове кулаками. Но я терпеливо молчал, как индеец у гостеприимного вигвама.

— Привет еще раз, — Ромов посмотрел на меня и тут же отвернулся. — Кури, если хочешь.

— Я некурящий.

— А я все сажу «Казбек», представляешь? Не могу этот импортный срач. У меня на столе в офисе «Мальборо», а я тайком вожу в бардачке папиросы. То есть на работе ни-ни, но в машине курю свою «казбечину».

Я шлепнул рукой по подлокотнику.

— Чего ты хотел? Говори прямо.

Он продолжал курить, как бы не желая отвлекаться от хода своих мыслей. В золотой подсветке салона я краем глаза успел ухватить его лицо. Оно не изменилось. Спокойное и как бы радушное.

Докурив наконец «казбечину», он выбросил ее в окно и продолжил разговор.

— Прямо так прямо, — он усмехнулся. — Будущему тестю не откажешь.

— Можно без пошлости?

— Можно и без пошлости. Кейс такой, — Ромов достал еще одну папиросу и опять закурил. — С Алкой у нас проблема. То есть у нее, а не у меня. Она бездетна. Понимаешь, Пунцов? У тебя с Леной Коломбина, а у нас шиш с маслом.

— Я же просил без пошлости.

— Без пошлости, Пунцов, без пошлости. Одна голая природа. Ты слушай, не отвлекайся. У Алки не заладилось, как у того Магомета с горой. Что-то там оказалось не так, то ли с фаллопиевыми трубами, то ли с маткой. За двадцать четыре года нашей совместной жизни ничего не вышло. Она не забеременела, как мы ни старались. Было и ЭКО, и бабка-колдунья из сибирской деревни, летали в Германию, Израиль, Штаты, чуть не добрались до самой Ванги. Алка в конце концов обессилела, как марафонец на сороковом километре. Похудела и даже почернела от тоски. Страшное дело, Пунцов, баба без ребенка. Я предлагал ей усыновить кого-нибудь из детдома, но она ни в какую. Хочет своего. Но как? Я ж не господь Бог, чтоб ей Христа от голубя принести, понимаешь? Чего молчишь, Пунцов?

— Переживаю.

— И на том спасибо.

— Ну и что дальше?

— Дальше все, как обычно. Если баба не может, за дело берется мужик. Дай, думаю, найду молодую, красивую роженицу, а с Алкой как-нибудь договорюсь. Тут подвернулся ты с Коломбиной. Я начал издалека, но с точным расчетом. Лет мне пока еще немного, экстерьер в порядке. Пришлось прикинуться спортивным дядей, но чего не сделаешь ради женщины. Вернее, двух.

— Лыжник. Ноги-то не разойдутся?

— Смотря чьи, — он крякнул.

Мне стало ясно, что мой собеседник не уверен в себе и прикрывает неуверенность грязным пустословием. Раньше такого не было. Наметив путь, Ромов пер по нему, как мамонт, сметая препятствия. Теперь он трусил. Что-то с ним произошло за эти годы. Я молчал, делая вид, что меня не обидели слова, оскорбляющие мою дочь. Пусть договорится до главного, думал я, тогда и сцепимся намертво. Сейчас он задирает партнера, пока игроки не сделали ставки. Посмотрим, что будет, когда неиграющие скинут карты и начнется основной торг.

— Чего ты молчишь, Пунцов?

Я усмехнулся.

— Жду, когда ты успокоишься, Ромов.

Он оторвал зубами кончик от бумажного мундштука папиросы, выплюнул его прямо на пол и сказал:

— Ладно. Я успокоился. Давай.

— Хорошо, слушай. Я всегда считал тебя нечистоплотным пацаном, но теперь вижу перед собой отпетого негодяя. Растешь, растешь, мерзавец. Ты загибаешь,

что у тебя есть душа, которая вдруг испытала боль. Но это вранье. Потому что у тебя нет души. Ты льешь передо мной крокодиловы слезы, просишь сострадания, но ты не достоин ничего, кроме уголовной статьи. Теперь говори, где моя дочь, или потом будешь рассказывать это прокурору.

— Я тоже ненавижу тебя, Пунцов. Еще тогда, когда мы стояли с тобой с револьверами с двух сторон водоотстойника, я очень хотел, чтобы ты сдох. Тебя спасло твое чистоплюйство. Ты выстрелил в воздух и лишил меня возможности покончить с тобой раз и навсегда.

— Зачем же ты стрелял себе в висок? До меня было десять метров, стрелок ты хороший, мог довести задуманное до конца.

— Ты заразил меня своей игрой в благородство. Плюнул мне, так сказать, в харю и гордо сложил на груди руки. И что я должен был делать? Ничего, кроме как кончать с собой во цвете лет на берегу этого говносральника.

Честное слово, меня пробрал холод. Мне не оставалось ничего, как верить этому подонку, и я начинал ему верить.

— Так значит, это была осечка?

— Натурально, мадам, осечка! — Ромов несколько раз ударил ребром ладони по рулевому колесу и вскинул глаза в потолок. — О которой я потом жалел двадцать пять лет!

Я спокойно ответил:

— Случай.

Ромов успокоился и согласился:

— Случай. И теперь он предоставил мне возможность расправиться с тобой по-настоящему.

Странно. Этот человек отнял у меня любимую женщину. Потом задумал убить меня в какой-то подмосковной глуши на станции Горенки. Теперь соблазнил мою дочь, увез ее к чертовой матери в Европу и вяжет сеть, в которой должны задохнуться и я, и Коломба, и моя жена, и Алла, и еще неизвестно какие люди, случайные и, скорее всего, нам незнакомые. Аппетиты у неудовлетворенных негодяев всегда безмерные. Шакалы и гиены следуют за хищниками верной тенью и съедают объедки до конца.

Значит, что? Я хищник? Но ведь я в своей жизни не сделал ни одного кровавого поступка, не погубил ни одну беззащитную душу.

Или все-таки погубил? Не заметил и перегрыз глотку кому-то слабому и невинному? А Ромов тихо шел за мной следом, подбирал остатки и ныне вот выставил мне счет в виде близких и любимых мною людей?

Но такого не может быть потому, что такого не может быть никогда!

— Давай ближе к делу, — Ромов ткнул меня кулаком в плечо. — По твоим глазам я вижу, что тебя опять понесло в твою бл...скую романтику. Душа испанца темна, как пучина океана. Знаешь, кто это сказал?

Я вернулся к действительности.

— Кто это сказал?

— Я сказал. Глядя сейчас в твои черные зрачки через зеркало заднего вида.

— Пошел ты!

— Ладно, Пунцов, — Ромов бросил окурков в окно, закрыл его и включил кондиционер. — Давай о нашем деле.

— Жду с интересом.

— Я размышлял, как выбрать одну женщину, не обидев другую? И понял, что выход самый простой. Нужно свести их вместе, предоставить им свободное время и комфорт — и они примут решение сами. Женщины порой умнее и предусмотрительнее нас, мужчин. Согласен?

Я промолчал.

— Видишь, и ты не против. Оставалось самое легкое: выбрать место для их встречи и добиться согласия участниц. Я забронировал места в хорошем венском отеле и сообщил об этом Алке и Коломбине. Три дня они сомневались — и потом внезапно согласились. Я проводил их до отеля и сказал, что через три дня приеду узнать об их решении.

Он достал из внутреннего кармана пальто карточку и протянул мне.

— Гостиница «Кайзерхоф». Центр Вены, коляски с лошадами, пять минут до Венской оперы. Думаю, дамы не в обиде.

Я схватил карточку. Гостиничная визитка со всей информацией. На хорошей бумаге, с вензелями и приятным шрифтом.

— Когда ты их туда отправил?

— Вчера.

Я открыл дверцу и уже было выставил ноги на улицу.

— Не смей соваться в это дело, Пунцов. На этот раз оторву тебе башку без раздумий.

Голос у него был тихий и размеренный. «Он сделает так, как обещает, — мелькнуло в голове. — Однако всегда есть шанс на удачу».

— Ты понял?

Я посмотрел ему в глаза, сверкавшие синевой даже в золотистом полумраке салона.

— Почему ты меня так ненавидишь, Ромов?

— Потому что ты слишком уверен в своей исключительности, Пунцов. Таких наглых типов всегда следует наказывать.

Я захлопнул дверь лимузина и побежал к подъезду. В голове вертелось: Вена, «Кайзерхоф» и еще почему-то бесконечное «зельбстферштендликхайт», влезшее сюда неизвестно откуда и по какому поводу.

— Ну что? — Лена налетела на меня в коридоре и глазами ее можно было заряжать карабин или автоматическую винтовку. — Куда ты собрался?

Видимо, я тащил из шкафа чемодан, почему она и задала последний вопрос.

— Дело в том, — я поперхнулся, но быстро откашлялся и заговорил яснее: — Понимаешь, Ромов отправил их в Вену. В отель «Кайзерхоф». Я немедленно лечу туда и привожу Коломбу и Фокину в Москву. Мне нужно свежее белье и совсем немного денег.

— Полетим вместе.

— Какой в этом смысл?

— Уверена, что этот человек будет там. Пусть посмотрит в глаза матери, у которой он украл дочь. Он поймет, что большей беды сделать невозможно. Я разорву его, как тигрица.

Тут я наконец остановился. Слова жены не испугали меня. Просто мне стало ясно, что дело без преувеличения далеко зашло. Голос Лены был полон гнева и страсти. Глаза сверкали белым огнем, а тело стало резким и сильным, как у дикой кошки. Я видел ее такой впервые в жизни.

Я побоялся приблизиться к ней, но сказал очень четко и веско:

— Ты права, родная моя, абсолютно права! Но... — и я перешел на испанский язык, чтобы сбить ей градус. Испанский звучал для нее почти как русский, но именно на это «почти» я и надеялся в данном случае. Посторонний язык всегда как бы отстраняет проблему, делает ее более холодной. Есть разница, когда вас назовут «gilipollas» по-испански или придурком по-русски, даже если испанский для вас не проблема. Чужой «придурок» так и останется чужим «придурком», а не конкретно вашим. На такую aberrацию я и рассчитывал. — Но благодаря твоему темпераменту мы с тобой окажемся за решеткой. А австрийская полиция в Европе

одна из самых суровых. И потом у тебя нет шенгенской визы, без которой ты попасть в Вену не сможешь. Так что предоставь мне самому разделаться с Ромовым, если он там окажется. Клянусь, я вырву ему его грязный язык или...

И я сделал жест тороеро, обозначающий, что бык лежит на арене мертвым.

— *Está de acuerdo?**

Лена еще раз обожгла меня белым огнем из-под ресниц, потом вздохнула, поправила прическу, ушла в комнату и оттуда крикнула:

— *Согласна!*

Я снял пальто, ботинки, достал карточку венской гостиницы и, погасив в коридоре свет, тоже пошел в комнату.

В течение десяти минут мы выяснили с помощью компьютера, что ближайший рейс до австрийской столицы завтра в 11.20 из Шереметьево-2. Я забронировал себе место в салоне бизнес-класса. Делать было больше нечего, и мы с женой некоторое время изучали сайт «Кайзерхофа». Отель показался нам в меру помпезным и достаточно скучным. Стеклоплатяные потолки в баре, фальшивая английская мебель в холле и песочного цвета стены в номерах говорили о том, что отель соответствует среднему «буржуазному» стилю и на большее не претендует.

— Какие у девочек номера? — поинтересовалась Лена.

— На втором этаже. С видом на Оперу.

Лена поморщилась.

— Значит, много электрического света и всю ночь толкотня.

После этого мы выпили чаю, собрали мне дорожную сумку и легли спать. Шел третий час ночи. Такси было заказано на половину девятого, поутру следовало еще привести себя в порядок и позавтракать.

Московскую часть вояжа я опускаю. Тут не случилось ничего, о чем бы стоило написать хотя бы полстроки.

Аэропорт Вена-Швехат встретил меня дневной суетой-полусном. Все сверкало, искрилось, источало звуки, эскалаторы двигались, люди шли и о чем-то говорили, катились тележки с багажом, и именно от этого общего движенья в мерном и замкнутном темпе рождалось ощущение сомнамбулического действия.

Я мгновенно поддался этому общему полусну-полудвижению, манекеном выплыл на улицу, дошел до стоянки автобусов-экспрессов, залез в один из них, идущий до центра города и, сев в кресло, слепо уставился в окно. Экспресс мягко тронулся с места, панорама за окном мелькала и менялась, но я этого не замечал. Все, что сейчас происходило в моей жизни, было одной общей остановкой. Меня словно подвесили над землей и выбирали момент для резкого спуска. Что-то происходило подо мной, но я как будто не слышал, не видел или, точнее, не верил действию, пока не увижу лицо своей дочки, своей любимой Коломбы.

Телефонный звонок буквально пронзил меня навывлет.

— Алло! — я прямо-таки рухнул на землю. — Коломба, ты? Ты меня слышишь, девочка моя?

Трубка помолчала и вlepила мне в ухо голосом проклятого Ромова:

— Ты уже в Вене, Пунцов? Едешь в центр?

Кое-как я взял себя в руки и почти прошипел:

— Ты где, Ромов?

— «Кайзерхоф», двести восьмой номер.

— Как ты там оказался?

— Самолеты летают не только днем, но и ночью. Ты должен был кинуться к Коломбине, я все рассчитал и тебя опередил.

* *Согласна? (исп.)*.

Я подавленно молчал.

Соседка-бабушка взволновалась и участливо спросила по-немецки:

— Entschuldigung, ist alles gut?*

Как можно вежливее я выдавил из себя:

— O ja, danke**.

И опять слился с трубкой:

— Если ты хоть пальцем тронешь мою дочку...

— Не дури, Пунцов. Все будет по-хорошему.

— Что значит по-хорошему? Я не верю ни одному твоему слову, подонок. Дай мне поговорить с Коломбой! Немедленно!

Трубка опять помолчала и наконец зло брякнула:

— Иди ты на хер, папаша хренов! Давай приезжай, не задерживайся. Тут и поговорим. Чики-брики, пока!

С минуту я сидел и молча смотрел на замолчавший айфон, как на гранату с вынутой чекой.

Соседка опять что-то спросила. Я посмотрел на нее так, что она отвернулась к окну и больше меня не беспокоила.

Я попытался определить номер входящего звонка и, конечно, ничего не определил. Ромов был предусмотрителен. Судя по часам, нам оставалось ехать еще минут пять, не больше. Откинувшись на спинку сиденья, я закрыл глаза и крепко стиснул зубы. Меня ожидало впереди черт-те что, и надо было хорошо сосредоточиться и сконцентрироваться.

Как только мы оказались в центре города, я вылетел из автобуса и побежал в сторону Франкенберггассе, на которой стоял «Кайзерхоф».

Венский февраль был очень похож на февраль московский. Под ногами вилось что-то белое, как поземка, в воздухе была неуютность, только почему-то пахло шоколадом. Или я вообразил себе этот запах из детства, от конфет в подарках и сказок братьев Grimm. Встречные прохожие не удивлялись, что я бегу. Они прятали носы в шарфы, закрывали лица полями шляп и каким-то чудом пропускали меня сквозь себя, точно прозрачные.

Дежурный в холле отеля бросился ко мне, готовый оказать услугу, но я остановил его взмахом руки.

— Herr Romov? — страшным шепотом выкрикнул я.

— Nummer 208, da oben, — и дежурный тоже махнул рукой по направлению вверх.

Я взбежал по лестнице на второй этаж и кинулся по коридору вправо, зная, что не ошибусь. Клянусь, меня вел инстинкт, а не культурный расчет. Увидев дверь с цифрой 208, я распахнул ее без всякого предварительного стука и ворвался внутрь.

За небольшим столом в центре комнаты сидел Ромов в черных брюках и белой рубашке. Когда я оказался перед ним в номере, он вынул изо рта папиросу и выпустил в мою сторону длинную струю дыма. Тут вообще было сильно накурено. Запах был клейкий и невероятно сладкий. Я только потом понял, что это такое. Я резко остановился и, кажется, еще продолжал топотать ботинками, не двигаясь с места.

— Где они? — голос у меня был, как у какого-нибудь оперного мужа-рогоносца.

Ромов вопросительно поднял брови.

— Где девочки?

Он улыбнулся, словно из-за стекла, не слыша меня и не понимая.

Тогда я повторил свой вопрос яснее:

— Где твоя жена и моя дочь? Почему я их здесь не вижу?

* Извините, у вас все хорошо? (нем.).

** Да, спасибо (нем.).

— Потому что Алка в Москве, а Коломбина совсем в другой гостинице. Вы компрене?

Я медленно подошел к нему и сказал:

— Теперь понимаю. Фокину ты оставил дома, а мою дочь затащил в Вену, только в другой отель. Тогда зачем ты разыграл всю эту комедию с этим вонючим «Кайзерхофом»?

— Хотел видеть тебя здесь.

— Меня? Зачем?

Он вновь с наслаждением затянулся и пыхнул на меня дымом. Я стал отмахиваться от серого облачка, разводя его быстрыми взмахами ладони. Ромов навел на меня сложенный из пальцев пистолет и, щурясь в вымышленный прицел, спросил, как совсем недавно:

— Вы, наверное, тоже хорошо стреляете?

Вот тут мне стало физически страшно. Такой страх превращает вас в тупую болванку, убивая насмерть даже крошечную способность мыслить, чувствовать, переживать. Вам ясно только одно — вы смертник. Щелкнет курок — и дальше ничего не будет.

Я смотрел на его палец, изображающий дуло, и примерзал ногами к полу. В номере вообще стало вмиг холодно, словно его весь завалили льдом. Ромов мерзко улыбался, тоже застыв с этой клоунской маской на лице.

Через несколько секунд он выложил на стол тяжелый портсигар и достал из него папиросу.

— Это план, качественный и достойный. Боливия, называется «Персиковое танго». Сейчас ты выкуришь его, и я скажу, что будет дальше, — в руке у него оказалась зажигалка. Он щелкнул огоньком и протянул пламя в мою сторону. — Давай.

Это была травка. Вот откуда сладкий и клейкий запах.

— Мне нужна Коломба, — хмуро проговорил я.

— С ней все в порядке. А мне нужен ты. Ну!

Я прикурил. Теплый дым вполз мне в голову. Ничего особенного не произошло. Я даже стал лучше видеть и слышать, только как бы чересчур лучше и зорче.

Лицо у Ромова оставалось спокойным. Он смотрел мне в глаза и начал говорить:

— Однажды ты спросил, за что я тебя так ненавижу. Я солгал, что якобы за твою исключительность. Но тебе тогда понравилось. На самом деле ты раздражал меня своей безошибочностью. Я постоянно ошибаюсь, а ты всегда прав! И я решил поставить на этом точку, сегодня, — Ромов откинул скатерть и я увидел лежащий на столе знакомый «Смит и Вессон». — Сейчас мы сыграем с тобой в одну игру. Русская рулетка. Из барабана вынимаются все патроны, кроме одного. Играющий прокручивает барабан и нажимает на курок. Ошибка — и он мертв. Угадал — выжил. Понял? Давай докуривай — и начинаем.

Я встал из-за стола и пошел в сторону двери. Тут услышал звук взводимого спускового механизма и понял, что Ромов целится мне в спину.

— Сейчас барабан полон. Зачем рисковать, Пунцов?

Я обернулся.

— Не глупи, Ромов.

— Возвращайся к столу — и начали.

— Что за странная тяга к прошлому? Дуэли, рулетки, самоубийства? Давай уж тогда перекинемся в двадцать одно и разойдемся с миром.

Ромов покачал головой.

— Живым отсюда выйдет только один из нас, — он погасил свою папиросу и высыпал из барабана револьвера на стол пять патронов. — Хочешь начать первым или бросим жребий?

Внезапно во мне вскипело бешенство. Ромов доигрался. Я выхватил у него «Смит и Вессон», щелчком ладони прокрутил барабан до остановки и сказал чуть ли не по слогам:

— Играю первым. Мои условия. Если выстрел пустой — мгновенно отпускаешь Коломбу и меня и дальше играй сам с собой, сколько хочешь.

Ромов посмотрел на меня с ненавистью и ответил:

— Договорились. Давай, жми!

Скорее всего, я не понял до конца, что происходит. Или меня повело в дурь от наркотика. Позже я вспоминал холод металла у виска, удобное лежание указательного пальца на курке, глухой щелчок и матерные крики Ромова. Выстрела не случилось. Ромов выдирает у меня из кисти оружие и бил меня кулаком в лоб.

Я опять выиграл. Только мне показалось, что между началом смертельного состязания и его счастливым концом пролетела вечность, не измеримая ничем и ниоткуда не видимая.

Когда все прошло, я ощутил жар в висках и холод во рту. Лоб гудел от ударов ромовского кулака. Упав на стул, я какое-то время рассматривал столешницу и потом, точно очнувшись, потребовал злым голосом:

— Ты обещал. Звони Коломбе.

Ромов взял телефон и поднес его к уху.

— Баталов, слушай! — он посмотрел на меня и съязвил: — Искусство и смерть. Все рядом... Баталов, сделай следующее. Отдай девке телефон и отпусти ее на фиг. Пусть кажится к своему папашке... Сюда, в «Кайзерхоф». Он будет ждать ее в номере двести восемь... А меня не ищи. Отправляйся в представительство компании. Я сам туда доберусь.

Он замолчал, бросил телефон и взял револьвер. Опустошенными глазами смотрел прямо перед собой и со стрекотом вращал барабан. Стрекот прекратился. Ромов прищурился и заглянул в дуло. Что он там увидел, не знаю, но взгляд у него неожиданно стал осмысленным.

— Если я... Если мне сейчас не повезет, позвони Алке. Скажи ей, что я ее любил.

Мне стало жаль его и я сказал:

— Твоя беда в том, что на самом деле ты никого не любил, Ромов. Никогда. Если бы ты влюбился хоть раз в жизни, ты бы понял, насколько она прекрасна. Великолепная, нелепая и все-таки неповторимая жизнь. Но эта штука прошла мимо тебя. Подозреваю, что меня ты ненавидишь как раз из зависти. Игра со смертью не научит тебя любви. Ты просто одинок и почему-то не можешь простить мне и другим своего одиночества.

Он медленно провел по комнате глазами, медленно осмотрел мое лицо и ответил:

— Как мне осточертели твои нравоучения. Уйди отсюда!

— Как хочешь. Прощай!

Я перекинул ремень сумки через плечо и вышел из номера.

По коридору навстречу мне бежала Коломба. Подол ее пальто развевался, вороньи волосы прыгали, как пружинные, глаза были полны слез, а лицо буквально свела судорога. Дочка кинулась мне на грудь и почти закричала:

— Господи! Господи, папа!

— Тише, тише, родная моя! Что с тобой?

— Что со мной? Ты так ничего и не понял? Господи!.. Я влюбилась в него, а он меня обманул... Унизил своей ложью... Я не хочу после этого жить, папочка! Неужели, неужели все мужчины на свете такие?

Я обнял ее и прижал к себе. Она билась всем телом, словно раненый зверек, кричала и стонала:

— Предатель! Обманщик! Лгун!.. Я не могу, папа! Я хочу умереть! За что, за что он сделал это со мною?

— Так бывает, — говорил я, торопясь и глотая слова. — Только не всегда. Тебе не повезло в этот раз. Но потом все будет иначе, по-настоящему.

— Зачем, зачем ты обманываешь меня, мой любимый папа? — господи, как она плакала, сотрясая мое и свое тело этими рыданиями! — Ведь я буду ненавидеть тебя, понимаешь?

— Я не вру тебе, любимая моя! Любовь приходит такая и такая. Она всегда разная. Только если она настоящая, ничего страшного не будет! Все образуется. Нужно время. Я помогу тебе, и ты во всем сама разберешься!

Грохнул выстрел. Звук ударил из-за двери с номером «208». Мы замерли с Коломбой на долю секунды, потом я резко отбросил ее в сторону и кинулся к двери. По коридору бежали два портье и, кажется, полицейский.

Ромов сидел все за тем же столом, в той же рубашке и брюках. Номер был полон сигаретного и порохового дыма. В правой руке Ромов держал «Смит и Вессон». Из дула вилась синеватая легкая струйка.

Я замер на пороге. За спиной у меня толпились гостиничные работники.

Ромов посмотрел на меня пустыми глазами, криво улыбнулся и прошептал:

— Вот видишь? Я опять промахнулся.

Через две минуты мы с Коломбой были на улице. Сыпал дождь со снегом, свет был стылым и уходящим в небо. У входа в отель собиралась небольшая толпа. Вдали слышалась сирена полицейской машины.

Я обнял Коломбу за плечи, поплотнее застегнул ей пальто и повел прочь отсюда. Она крепко держалась за меня и почти не плакала. Только вдруг обернулась на фасад отеля, потом ухватила меня за руку с отчаянной силой и спросила о Ромове:

— Он жив, папа?

— Слава богу.

— Что он сказал?

— Что он промахнулся.

— Может быть, это и к лучшему.

— Может быть. Давай выбираться домой, дочка.

Я не стал напоминать ей, что однажды она назвала эту паршивую штуку крутым заключением. Сама как-нибудь вспомнит и сама себе удивится.

Больше я Ромова не видел и, надеюсь, не увижу уже никогда. Жизнь разбросала нас окончательно. Хотя порой по ночам я просыпаюсь, услышав в странном сне, похожем на кусок оборванной магнитофонной ленты, едкий, сардонический голос: «Вы, наверное, тоже хорошо стреляете, Азазелло?»

И не могу уснуть до самого утра, зная, что назавтра у меня будет страшно болеть голова и я весь день проведу в постели.

